

УДК 316.325:394.014 + 378(09) + 94(443.611) + 711.554(443.611)

В. Иоффе

**УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КВАРТАЛ
В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАРИЖА
(вторая половина XIV – начало XV в.)**

Появившийся в начале XIII в. университет Парижа вскоре заявил свои права на часть городского пространства. Постепенно «корпорации ученых» удалось подчинить своему контролю обширный и компактно расположенный квартал на левом берегу Сены. По своим свойствам этот квартал не был гомогенным. Подобно университету в целом, подчеркивавшему свое особое положение в городском пространстве, составляющие его структурные единицы также стремились отгородиться друг от друга.

В статье анализируются разнообразные формы пространственных отношений двух миров — города и университета.

Ключевые слова: Средние века; Париж; университет; Латинский квартал; организация пространства; пространственные отношения.

Университет зародился как общеевропейский институт, которому средневековые мыслители придавали поистине ойкуменистическое значение. В начале XV в. канцлер Парижского университета, знаменитый теолог Жан Жерсон сравнивал свою *alma mater* с райской рекой, которая, «будучи разделенной на четыре потока, орошает всю поверхность земли» [Жерсон — наставник..., с. 24]. Под четырьмя потоками подразумевались четыре факультета университета, которые в совокупности распространяли свет разума на все мироздание. Духовной и светской властью университет воспринимался как надлокальная корпорация, не замыкающаяся на решении лишь местных вопросов, в идеале охватывающая весь христианский мир и косвенно распространяющая влияние даже на земли язычников. На это указывают, например, решения церковного собора в Виенне в 1312 г., которые предписывали обеспечить подготовку в университетских центрах кадров, способных нести Слово Божье в земли, не затронутые христианизацией [см.: Thorndike, p. 149–150]. Но если абстрагироваться на время от претензий (и от иллюзий) на всеохватность влияния университета, которыми были переполнены рассуждения средневековых теоретиков, каким было «реальное», освоенное пространство Парижского университета в черте города на рубеже XIV–XV вв.? Каковы были свойства этой территории *studium*, протяженность ее границ, ее взаимодействие с другими городскими зонами?

В Париже в рассматриваемый период университет занимал пространство, обладающее четко очерченными границами. «Квартал Университета», просто «Университет» или же «земли за Малым Мостом», как именовали его современники, располагался прежде всего на левом берегу Сены. Если очертить пунктиром земли университета, то мы увидим, что многочисленные школы факультета семи свободных искусств были разбросаны по обе стороны улицы

Соломы. Первыми, если подниматься от реки к горе Святой Женевьевы, шли так называемые «маленькие» школы французской нации [см.: Favier, p. 130–132]. Далее располагались «новые», или, как их называли, «большие» школы этого же землячества, за которыми следовали «большие» школы нормандцев¹. Вслед за ними, на той же улице, соседствовали школы пикардийцев и англо-германской нации. На противоположной стороне улицы Соломы находились «новые» школы пикардийцев, или школы Красного Коня, далее «большие» учебные залы англо-германской нации и школы, отмеченные вывесками с изображениями малого щита и золотого орла, которые принадлежали нормандцам [Ibid.]. Таким образом, факультет искусств состоял из десятка зданий, названия которых в ряде случаев были унаследованы от вывесок, украшавших входы некогда располагавшихся в них таверн. Так, здание под вывеской «Олений Рог», речь о котором пойдет ниже, в XIV в. было одной из излюбленных таверн англо-германской нации. В XV в. заведение было превращено в жилой дом, комнаты в котором снимали студенты и преподаватели, принадлежавшие тому же университетскому землячеству [Auctarium Chartularii..., vol. 2, p. 1894–1897, col. 816].

Недалеко от факультета искусств, если подниматься от Сены по улице Сен-Жак, находились школы права Кло-Брюно, располагавшиеся по соседству от Сорбонны и факультета теологии. Что касается многочисленных университетских коллежей, они освоили территорию, ограниченную склонами горы Святой Женевьевы, площадью Мобер, Сеной и кварталом Сент-Андре-дез-Ар [см.: Vespiere, p. 208–219]. Окинув взглядом университетский квартал в целом, мы пришли бы к выводу, что здания парижского *studium* располагались по соседству друг от друга, на достаточно протяженной и четко очерченной территории, заселенной по большей части представителями университетской корпорации. Университет, как свидетельствуют источники, стремился отгородиться от окружающего пространства, замкнуться в себе, противопоставить себя другим обитателям города. Это в буквальном смысле «отгораживание» было осуществлено в Париже, когда местные преподаватели и студенты получили в 1358 г. от дофина Карла право закрыть улицу Соломы, где проходили университетские занятия: «...Так как на упомянутой улице есть два конца, или два выхода, которые могут быть закрыты... то магистры и их ученики смиренно просят нас, чтобы мы соизволили... даровать разрешение на закрытие улицы и сооружение ворот...» [Chartularium Universitatis Parisiensis, vol. 3, p. 53–54, n. 1238]². Важно то, что инициатива закрытия исходила от самого университета, поскольку, помимо прочего, упоминались люди, «подавшие нам просьбу». Подчеркивалось, что это делается для безопасности самих магистров и школьников. Улица должна была быть защищенной воротами, «которые закрывались бы на ночь и открывались на целый день добрыми, законными и надежными стражами...» [Ibid.].

¹ Уточним, что определение «большая» или «маленькая» относительно школы подразумевало не количество обучавшихся в ней студентов, а величину здания (см.: [Favier, p. 130]).

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Стремясь избавиться от вторжений на свою территорию «лишних людей», чужаков, университетарии в своем прощении безусловно сгостили краски и со-здали удручающую картину разрушительных последствий набегов на улицу Соломы: «...с увеличением количества преступных людей и врагов науки, сею-щих плевелы в пшенице, на эту улицу выбрасываются и остаются там грязь и отбросы, отравляя и заражая души и тела обитателей этой улицы» [Ibid.]. Кроме того, указывалось, что «...по ночам двери школ подлым и бесчестным образом взламываются сводниками и другими негодяями, которые не имеют перед глазами образа Божия и науки (*Deum, nec scientiam pre oculis habentes*)... И вводятся ими в школы девки и другие грязные женщины и часто подло и бесчестно проводят там ночь, оставляя в креслах магистров, повсюду в комна-тах и на местах, где сидят школьники, омерзительную грязь» [Ibid.]. Универси-тет как некий «храм науки» не может иметь ничего общего с низами городского общества, а подобные вторжения извне в сферу университетского пространства оскорбительны и неприемлемы. Таким образом, будучи вписанным в городское пространство, университет сталкивался с традиционными проблемами средне-векового города — преступностью, обилием находившихся по соседству «злач-ных мест», посему стремился отгородиться от «внешнего мира». Та же необхо-димость защиты своего пространства от вторжений из «внешней» среды прочи-тывается в жалобе, направленной англо-германской нацией против мэтра, построившего свой дом около школ землячества. Стены этого дома, как объяс-нило собрание нации, не пропускали свет в учебные залы [*Auctarium Chartularii...*, vol. 1, col. 456, 467]. Речь здесь идет не только о конкретных мерах, направлен-ных на восстановление пригодных для учебного процесса условий, но и о необ-ходимости защитить свою территорию, уменьшить влияние на нее чуждых элемен-тов. Упомянутый магистр, по-видимому, не принадлежал к англо-гер-манской нации, в силу чего рассматривался как «чужак», а «загораживание» света было, возможно, лишь предлогом для того, чтобы постараться избавиться от его раздражающего присутствия. Сходная идея защиты своей территории прочитывается в другой жалобе англо-германской нации, направленной на этот раз против горожанина, «который проделал отверстия в трех местах в стенах школ и вознамерился построить свой дом» [Ibid., vol. 2, col. 459].

Все официальные университетские документы выявляют необыкновенную осторожность и осмотрительность к лицам, принадлежащим к «внешнему» по отношению к университету пространству, к *extraneos* («чужакам»), как назы-вали их источники. Противопоставляя себя внешнему миру, университет «отме-чал» границы своего пространства внутри городских стен. Ранние статуты Сорбонны предписывали, например, что «никто со стороны не должен присут-ствовать на пирушких и собраниях членов сообщества. И тот, к кому пришел гость, должен следить за этим... Также никто не должен часто приводить в дом лиц со стороны, чтобы пить вместе с ними» [*Chartularium Universitatis...*, vol. 1, p. 506–508]. Таким образом, всячески подчеркивалась нежелательность присут-ствия «лиц со стороны», чужаков внутри университетского колледжа.

Книга приоров Сорбонны, которую составляют тексты протокольного ха-рактера, освещающие различные аспекты внутренней жизни в колледже, пред-

писывает с регулярностью, граничащей с навязчивостью, избегать по возможности присутствия чужаков в колледже. Одна из статей Книги приоров рассматривает дело некоего преподавателя, обвиненного в многочисленных проступках и ставшего, очевидно, персоной *non grata* в колледже. Один из рассмотренных документов подчеркивает, что он был «ученым, не отличавшимся честностью, и мэтром, не слишком ценным для колледжа...» [Le Livre des prieurs, p. 134, doc. 472]. В частности, он «...беспрестанно приглашал чужаков, что причиняло ущерб сообществу, поскольку вино колледжа разворовывалось в огромных количествах к величайшему огорчению сообщества, ибо у нас была нехватка вина в ту пору» [Ibid.]. Нет ничего удивительного в том, что кража вина связывалась именно с присутствием в колледже *extraneos*, которые предоставляли удобную возможность объяснить любые проступки, совершенные в стенах почтенного заведения.

Присутствие чужака чревато также тем, что внутренние дела корпорации, ее тайны могут случайно стать достоянием враждебного сообщества, представителей иного пространства. Так, в статутах Сорбонны XIII в. указывается, что «никто из сотоварищей, если в зале находится кто-либо из чужих, не произносит речей, которые так или иначе касаются нашего сообщества» [Chartularium Universitatis..., vol. 1, p. 506–508]. Университет сохранил это характерное опасливое отношение к чужакам и в XIV–XV вв. В 1442 г. выборы прокуратора англо-германской нации (или просто германской, как ее начали именовать в эпоху Столетней войны) проходили с особым ожесточением. Бывший прокуратор, магистр Жак Винторст, был вынужден после долгого противостояния передать свои полномочия новоизбранному прокуратору. Магистр Жак был временно изгнан из университета, и в числе обвинений, которые инкриминировались ему ректором, значилось то, что «он не скрывал тайн нации, что прямо противоречит произнесенной им клятве “о сохранении тайн”» [Auctarium Chartularii..., vol. 2, col. 557]. В 1406 г. Книга прокураторов зафиксировала не менее показательный случай. Совет землячества, собранный с целью примирить двух поссорившихся магистров, заключил, что «необходимо любым способом прийти к согласию между указанными магистрами и обеспечить мир усилиями членов нации, чтобы люди извне или подданные другой нации не узнали о разногласиях, ссорах и драках, имевших место между членами нации» [Ibid., vol. 1, col. 921]. Разглашать тайны сообщества, выносить «сор из избы», как явствует из цитированного фрагмента, считалось опасным для самого существования корпорации.

Выход за границы «своего пространства», за пределы университетской корпорации также рассматривается как нежелательный. Статут Сорбонны предписывает: «Никто не осмеливается ночевать вне дома, где-нибудь в городе» [см. подробнее: Chartularium Universitatis..., vol. 1, p. 506–508]. Точно так же, как люди извне не имели права находиться на территории, подвластной университету, считалось, что самим университариям не следует покидать границы «своего», обжитого, считавшегося безопасным пространства. Одна из статей Книги приоров Сорбонны рассматривает дело некоего клирика, прислуживающего в колледже, который «...ночь провел не дома, не получив разрешения своего

магистра и, как признался указанный Гийом (имя слуги. — *B. I.*), он провел ночь в банях с чужаком (*upo homine extraneo*), а также в других местах, пользующихся дурной славой, что с ним уже неоднократно случалось» [Le Livre des prieurs, p. 41–42, doc. 60]. Гийом, таким образом, совершил двойной проступок: во-первых, проведя ночь за пределами колледжа; во-вторых, в компании чужака³.

Той же необходимостью разграничить пределы «своего» и «чужого» пространства было продиктовано правило, согласно которому университетарии не должны были селиться за пределами своего квартала и искать жилье, например, на правом берегу Сены — территории, ассоциировавшейся с враждебно настроенными горожанами и королевскими сержантами [см.: Lusignan, p. 135]⁴. Для того, чтобы пользоваться многочисленными университетскими привилегиями, студенты и преподаватели должны были жить на левом берегу или на острове Ситэ [Ibid.]. Анализ месторасположения таверн, которые пользовались популярностью в университетской среде, свидетельствует о том же стремлении оставаться в пределах четко очерченного квартала, внутри которого, по-видимому, студенты чувствовали себя в большей безопасности. В числе примерно двадцати таверн, упомянутых в Книгах прокураторов англо-германской нации в XIV в. в связи с теми или иными университетскими праздниками и церемониями, большинство находилось непосредственно в квартале университета, на левом берегу. Среди них фигурировали такие заведения, как «У Девы Марии», располагавшееся на улице Сен-Жак [см.: Auctarium Chartularii..., vol. 1, col. 205], «У Святого Иоанна» на улице Бьевр [Ibid., col. 253], таверна с неизвестным названием, находившаяся около церкви Сен-Жюльен [Ibid., col. 252] — в сердце университетского квартала, «Черные Головы» около монастыря кармелиток [Ibid., col. 278], «Два Меча» на улице Сен-Жак [Ibid., col. 461], «Луна» на улице Англичан [Ibid., col. 345] и многие другие, расположенные по соседству от церкви Сен-Жюльен и Сен-Матюрэн. Упомянем, однако, таверны под вывесками «У Замка» и «Сосновая шишка» (последняя стала знаменита во многом благодаря Франсуа Вийону, который был ее завсегдатаем), которые находились на острове Ситэ [Auctarium Chartularii Universitatis Parisiensis, vol. 1, col. 328]. Кроме того, одна таверна, название которой не уточняет Книга прокураторов, притягивала университетариев на правый берег, в квартал крепости Шатле. Здесь не только пили за здоровье сотоварища, отмечали университетские праздники или поднимали кружку в честь новоизбранного прокуратора, в таверне прежде всего скреплялись узы корпоративного братства. Противоположение расположение излюбленных университетариями таверн, можно попытаться задать рамки пространства, освоенного университетом, воспринимаемого безопасным, а также проследить привычные траектории, которым подчинилисьочные «выходы» членов ученой корпорации. Рамки эти в целом совпадают с очерченными выше границами квартала университета, за пределы которого преподаватели и студенты решались выходить крайне редко.

³ Протокол собрания колледжа, будучи лаконичным в отношении столь деликатного вопроса, содержит, по-видимому, завуалированное обвинение в содомии.

⁴ Напомним также, что знаменитая тюрьма Парижа, Шатле, находилась именно на правом берегу.

Церкви внутри пространства университета — корпорации, объединяющие в основном клириков и находящиеся под бдительной опекой римских пап, — играли особую роль. Университетские ассамблеи созывались именно в церквях, главным образом в Сен-Жульен-Лё-Повр [см.: Ibid., vol. 5, col. 186] и Сен-Матюрен [Ibid., col. 171], порой в Сен-Бернар [Ibid., col. 253]. Именно в них происходили выборы ректора и прокураторов наций, а также обсуждались насущные вопросы университетского сообщества.

Будучи наряду с тавернами главными местами притяжения для школяров и преподавателей, церкви могли также выполнять роль убежища для спасающихся от преследований университетариев. Так, совершив в 1365 г. вооруженное нападение на королевских сержантов недалеко от площади Мобер на левом берегу, студенты попытались скрыться на территории церкви Сен-Тома-дю-Лувр, где все же были обнаружены и схвачены стражей [Chartularium Universitatis..., vol. 3, p. 136–137, n. 1312].

В городской топографии Парижа часовни, находящиеся под патронажем университета, выполняли роль меток, обозначающих границы влияния *studium*. В частности, университет умело использовал для укрепления своих позиций в городе часовни, возведенные в знак покаяния теми, кто грубо нарушил права корпорации. В 1286 г. по приказу Филиппа IV монастырь Сен-Жермен был вынужден построить две часовни за упокой души двух студентов, погибших во время столкновения с людьми аббатства, произошедшего за несколько лет до этого [см.: Ibid., vol. 2, p. 7, n. 537]. В каждой из часовен монахи монастыря Сен-Жермен должны были служить мессы за спасение душ усопших университетариев. Характерно, что одна из этих часовен была основана в старой церкви Сен-Мартэн, около стен аббатства, став потенциальным опорным пунктом для продвижения вглубь территории, находящейся в ведении монастыря. Вторая часовня была основана при церкви Сент-Катрин-де-Валь-дез-Эколье, на правом берегу Сены, т. е. также на землях, весьма удаленных от университетского квартала, где *studium* хотя бы символически стремился обозначить свое присутствие [см.: Ibid.]. В 1334 г. монастырь Сен-Жермен вновь проиграл дело против университета и был вынужден по приговору королевского суда передать университету право покровительства над церквами Сент-Андрэ-дез-Ар и Сен-Ком-Сен-Дамьян [Index chronologicus, p. 119]⁵. Таким образом, университету удалось ощутимо вклиниваться в территории монастыря и расширить радиус своего влияния в городском пространстве.

На карте Парижа в рассматриваемый период существовало еще одно место, за обладание которым университет вел длительную и ожесточенную борьбу с монастырем Сен-Жермен. Прэ-о-Клер, «луга клириков», были пустырем, находившимся между Сеной и землями аббатства. Эта небольшая в сущности территория стала настоящим яблоком раздора, столкнувшим интересы аббатства и университета Парижа. Университет рассматривал эти земли, несколько

⁵ Эти церкви были построены монастырем Сен-Жермен в 1210–1212 гг. для жителей сен-жерменского предместья, оказавшихся отрезанными от своего прихода недавно возведенной стеною Филиппа II [см.: Hillairet, vol. 1, p. 459 ; vol. 2, p. 373.]

удаленные от собственно школьного квартала, как освященное традицией место отдыха и развлечений для студентов и преподавателей. Университарии готовы были отстаивать свои права на обладание Прэ-о-Клер не только в главном суде королевства, но и с ножом в руках, рискуя своей и чужой жизнью. Многочисленные кровопролитные столкновения между людьми аббатства и парижским *studium* составляют отдельную главу университетской истории. Ограничимся упоминанием лишь одного судебного процесса, на котором университет дал понять, что задеты его права на Луга клириков. В 1351 г. Луга стали местом дуэли двух английских дворян [Chartularium Universitatis Parisiensis, vol. 3, p. 40, n. 1200]. Университет, посчитав неприемлемым совершение насилия чужаками (к тому же англичанами, что было немаловажно в условиях начавшейся войны) на своей территории, подал жалобу в суд. Тяжба в королевском суде была для университета эффективным способом провозгласить *urbi et orbi* свои права на данную территорию и одновременно расширить зону своего влияния в городе. По исходу дела король заново подтвердил легитимность претензий университета на Луга клириков. Университет, воспользовавшись покровительством короны, сумел, таким образом, обозначить границы своих новых владений. Не допуская присутствия «посторонних» на своей территории, университет отмечал границы своего влияния. В этом отношении он действовал так же, как любой крупный сеньор, контролировавший подвластный ему сегмент городской территории⁶.

Пространство университета Парижа по своим структурным свойствам не было цельным, однородным. Каждый элемент в структуре университета (факультет, нация, коллеж и т. д.) претендовал на свой сегмент пространства внутри школьного квартала. Один из документов Книги приоров Сорбонны выявляет наличие границ внутри университетского пространства. В документе говорится о магистре Мишеле Болленже, который обратился к коллежу с просьбой «продать ему дом, находящийся в пределах нашей улицы (*vicus nostrum*)», но было решено отказать ему, ибо коллежу кажется несправедливым, чтобы женатый человек поселился на нашей улице» [Le Livre des prieurs, p. 222, doc. 833]. Заметим, что обозначение «наша улица» встречается дважды в цитированном фрагменте. При надлежность к университетской корпорации еще не гарантировала права на совокупность территорий, находящихся под влиянием *studium*. Каждый «сегмент» университетской корпорации мог вырабатывать свои исключительные правила и нормы, ограничивающие доступ к своей территории для университариев, не относящихся к данной структуре внутри *studium*. В приведенном случае примечательно то, что коллеж распространял характерные для своего внутреннего распорядка правила на окружающую территорию, ограниченную в данном примере улицей. Поэтому коллежу показалось неприемлемым, чтобы женатый преподаватель и, как следует из документа, лицо светское мог поселиться на его улице, как будто речь шла о вторжении на подвласт-

⁶ Этую аналогию можно продолжить, так как в Средневековье существовали, например, элементы университетской юрисдикции. Университет имел право в ряде случаев судить членов корпорации за некоторые проступки [см.: Chartularium Universitatis Parisiensis, vol. 1, p. 22, n. 20].

ные ему территории⁷. Характерный «раздел» территории внутри университетского квартала произошел в 1398 г., когда по условиям соглашения между пикардийской и англо-германской нациями на общие средства были возведены стена и башня, разделяющие пространство этих двух землячеств [см.: Auctarium Chartularii..., vol. 1, col. 768]. Границы, отмечающие владения двух университетских структур, обрели в данном случае физическое воплощение: некое подобие крепостных укреплений разграничивало впредь территории двух соседних корпораций. С одной стороны, университет мог выступать как единое целое при необходимости отстаивать права на свою территорию (многочисленные конфликты с прево и с королевскими сержантами тому пример), с другой — составляющие его структурные единицы имели тенденцию отделяться друг от друга, маркировать свое пространство. Книга прокураторов англо-германской нации приводит любопытное описание ссоры между двумя группировками студентов, которое с необычного ракурса освещает проблему партикуляризма внутри университетского пространства. Зимой 1413 г. труп коня, оставленный студентами-нормандцами из колледжа Аркур перед воротами дома на улице Арфы, принадлежащего студентам англо-германской нации, был воспринят последними как вызов [см.: Ibid., vol. 2, col. 137–139]. В ответ на оскорбительное вторжение в пределы своего пространства студенты отправили делегацию к колледжу Аркур с целью выразить неудовольствие случившимся и потребовать унести труп коня. Эти ночные переговоры, сопровождаемые изысканными насмешками магистра-нормандца и претензиями студентов англо-германской нации, переросли в конечном итоге в ожесточенное столкновение двух группировок [см.: Ibid.]. Университет Парижа, по-видимому, представлял из себя совокупность разнившихся по своему значению и размерам «миров», которые замыкались в себе, отделялись друг от друга и могли проводить враждебную по отношению к соседям политику. Но, несмотря на подобный партикуляризм, университетские источники указывают на то, что в парижском *studium* в рассматриваемый период по-прежнему были сильны идеалы корпоративного братства и кооперации между землячествами. Так, в одном из документов Книги прокураторов не без гордости зафиксирован случай, когда англо-германская нация «оплатила вино в таверне» двум другим землячествам — французскому и пикардийскому [Ibid., vol. 1, col. 761].

В материальном отношении квартал университета составляли ветхие здания, лишенные порой минимального комфорта. Вспомним знаменитые «пучки сена», на которых должны были сидеть во время лекций студенты на улице Соломы, само название которой было свидетельством этого обычая. В положениях статутов Парижского университета XIV в., касаемых факультета свободных искусств, говорится, что в период возведения в учченую степень и при получении разрешения на преподавание «...студенты, слушая лекции на этом факультете, должны сидеть на полу перед своими учителями (как это было

⁷ Отметим, что в состав университета Парижа входило небольшое число светских лиц, большинство из которых училось и преподавало на факультете права и медицины [см.: Verger, p. 865–866].

в обычae, когда на факультете процветали науки), а не на стульях или скамьях, которые возвышаются над полом, ибо таким путем смиряется гордыня оных» [Университетские документы, с. 211–212]. Возможно, это правило объяснялось в большей степени нехваткой средств, чем необходимостью «унять гордыню студентов». Книга прокураторов англо-германской нации зафиксировала в 1449 г. решение совета нации починить «кресла и иные сиденья в школах Семи искусств», что указывает на то, что здания университета были все же экипированы мебелью, которая требовала ремонта [см.: *Auctarium Chartularii...*, vol. 2, col. 761].

Мощеные улицы на рубеже XIV–XV вв. были редкостью в Париже, и квартал университета в этом отношении не составлял исключения в городском пейзаже. В 1370 г. Книга прокураторов засвидетельствовала обсуждение вопроса о необходимости положить мостовую на участке улицы около новых школ нации: «На том же собрании я, прокуратор, ввиду того, что территория новых школ нашей нации загрязнена пылью и песком, как нам доложили многие магистры и педель, до такой степени, что студенты не могут без отвращения оставаться в такой пыли, учитывая то, что нет возможности провести уборку, потому как отсутствует прочная мостовая, предложил положить мостовую тем или иным способом, из гипса или из глины» [*Ibid.*, vol. 1, col. 367]. Поскольку Книга прокураторов фиксировала все конкретные вопросы, касающиеся внутренней жизни нации, то процитированный фрагмент, будучи лишенным риторического преувеличения, дает ценное описание среды обитания университетарiev. Очевидно также, что университет пытался организовать, привести в должное состояние принадлежащую ему территорию. Книга прокураторов приводит множество свидетельств, доказывающих ветхое состояние университетского квартала. В конце XIV – начале XV в. англо-германская нация была вынуждена с удивительной регулярностью проводить ремонтные работы в принадлежавших ей домах. В 1394 г. представители землячества посетили дома под вывесками «Олений Рог» и «У Девы Марии», которые только что подверглись ремонту [*Ibid.*, col. 688]. В 1398 г. нация отправила делегацию к магистру Гийому де Шарсенэ, «который вынужден был покинуть школы Семи искусств, закрытые по причине настолько ветхого состояния, что их заново необходимо было ремонтировать» [*Ibid.*, col. 756]. В связи с этим нация решила собрать большую сумму денег для починки зданий школ и все того же «Оленьего Рога» [см.: *Ibid.*, col. 758]. В 1400 г. магистр, обитавший в «Оленьем Роге», попросил нацию заново отремонтировать злосчастный дом [см.: *Ibid.*, col. 816]. Три года спустя собрание членов нации обсуждало необходимость отремонтировать одну из стен «Оленьего Рога», а в 1404 г., видимо, оценив масштабы затрат, поглощаемых перманентным ремонтом, совет землячества поставил вопрос о том, что нужно «найти такой способ починить и сохранить указанный дом без дальнейших затрат, который позволил бы нации компенсировать свои деньги» [*Ibid.*, col. 860, 873]. Одновременно собрание нации обратило внимание на плачевное состояние второго дома, принадлежащего землячеству, – «У Девы Марии». Это жилище, по описанию Книги прокураторов, «находилось в полуразрушенном состоянии, было ветхим, шатким и зловонным» [*Ibid.*, col. 895]. Наконец,

в 1410 г. нация принимает решение направить делегацию членов землячества с целью осмотра «грозящих обрушением руин» домов, находящихся в собственности корпорации [см.: Ibid., vol. 2, col. 78]. Очевидно, что кризис начала XV в. оставил глубокий отпечаток на внешнем облике университетского квартала, обнажив картину необустроенностии и разрухи⁸. Отметим однако, что разрушения не пощадили город в целом: французский историк Ж. Фавье отмечает, что в связи с гибельными последствиями эпидемий и войны многие дома повсюду в Париже находились в этот период в запустении [см.: Favier, p. 24]. Кроме того, антисанитарные условия жизни, отсутствие мостовых на улицах и прочие урбанистические проблемы Средневековья не были исключительным явлением в эту эпоху⁹.

Университет Парижа, таким образом, занимал территорию, имевшую тенденцию к отгораживанию от окружающего городского пространства и состоявшую из отдельных структурных единиц, которые, подобно дочерним клеткам, отражали особенности функционирования корпорации в целом. Колледжи, нации, просто жилые дома, заселенные студентами, стремились утвердить и могли в случае необходимости защитить права на свой кусок территории внутри университетского квартала. Они имели четкое представление о границах, отделяющих их от внешнего мира, и болезненно воспринимали вторжения чужаков. Определенный «экспансионизм» университетской корпорации, который проявлялся, в частности, в претензиях на Луга клириков, а также само восприятие своего пространства внутри города как некоей неотъемлемой территории, на которую *studium* распространял подобие сеньориальных прав, свидетельствует в определенной степени о подражании университета социальному поведению верхушки средневекового общества. Осваивая свое пространство, университет действовал как крупный сеньор или как «коллективный принц крови», выражаясь словами П. Ю. Уварова [см.: Уваров, с. 208]. В этом отношении восприятие университетом своего пространства было отражением его претензий на элитное положение в структуре средневекового французского социума, заявленных еще в эпоху зарождения «ученой корпорации» в Париже.

Жерсон — наставникам Наваррского колледжа (май — сентябрь 1400 г.) // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 240—245. [Zherson — nastavnikam Navarrskogo kollezhza (maj — sentyabr' 1400 g.)// Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo Srednevekov'y'a. M., 1994. T. 2. S. 240—245.]

Уваров П. Ю. Лучшие люди христианства, лучшие люди королевства: интеллектуалы Средневековья // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 206—217. [Uvarov P. Yu. Luchshie lyudi khristianstva, luchshie lyudi korolevstva: intellektualy Srednevekov'y'a // Elita i etnos Srednevekov'y'a. M., 1995. С. 206—217.]

---

⁸ Имеются в виду конфликт Бургиньонов и Арманьяков, восстание кабошонов, последствия чумы и, наконец, схизма, раскололшая в том числе и университетский мир и спровоцировавшая отток из Парижа сторонников папы Урбана VI.

⁹ Например, первые закрытые канализационные стоки появляются в Париже только во времена Генриха IV [см.: Milley, vol.1, p. 157—159].

Университетские документы (XIV в., Париж) // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 211–212. [Universitetskie dokumenty (XIV v., Parizh) // Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo Srednevekov'ya. M., 1994. T. 2. S. 211–212.]

Auctarium Chartularii Universitatis Parisiensis. Liber Procuratorum nacionis anglicanae. Vol. 1, 2, 5.

Chartularium Universitatis Parisiensis. P., 1897. Vol. 1–3.

Favier J. Francois Villon. P., 1982. 540 p.

Hillairet J. Dictionnaire Historique des rues de Paris. P., 1985. Vol. 1–2.

Index chronologicus chartarum pertinentium ad historiam Universitatis Parisiensis, ab ejus originibus ad finem decimi sexti saeculi, adjectis insuper pluribus instrumentis quae nondum in lucem edita erant / ed. Ch. Jourdain. P., 1862.

Le Livre des prieurs de Sorbonne. P., 1987. 299 p.

Lusignan S. «Vérité garde le Roy» : la construction d'une identité universitaire en France (XIIIe–XVe siècle). P., 1999. 332 p.

Milley J. La vie parisienne a travers les âges. P., 1968. 332 p.

Thorndike L. University records and life in the Middle Ages. N. Y., 1944. 476 p.

Verger J. Le recrutement géographique des Universités françaises au début du XVe siècle d'après les Suppliques de 1403 // Mélanges d'archéologie et d'histoire. P., 1970. P. 855–902.

Vespierre B. Guide du Paris médiéval. P., 2006. 235 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2013 г.

УДК 94(411) + 130.2:8 + 930.1 + 330(09)

В. В. Высокова

ШОТЛАНДСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ: КРУГ ИДЕЙ

Рассматриваются специфические черты и особенности шотландского Просвещения в общеевропейском контексте интеллектуальной мысли XVIII в.; на примере шотландских просветителей показано возникновение «публичной сферы»: расцвет добровольных обществ, клубов и напряженных дискуссий по основным проблемам современности; дана характеристика вклада шотландских просветителей в развитие моральной философии, политэкономии и исторических исследований.

Ключевые слова: Просвещение; «литературная республика»; Д. Юм; политэкономия; историзм; моральная философия.

Тема шотландского Просвещения в качестве отдельного предмета исследования определилась примерно пятьдесят лет назад. Начало ей было положено дискуссией между британскими историками Хью Тревор-Ропером и Дунканом Форбсом. Их конфликтующие позиции при очевидных различиях стиля и тона сегодня дополняют друг друга и суммируются в единый объект исследования. Кульминацией исследований Форбса стала работа «Философские принципы политики Юма» (1975). Но еще более важным было то, что он предложил новый предмет исследований, ставший привлекательным для нового поколения